

Если Леонтьев и улыбнулся некоторой теплоте тона своего давнего константинопольского знакомого и его внимательной памяти, то «практическое приложение» письма оказалось для него нулевым, и он даже не стал, отвечая другу, как-то комментировать присланный текст, а Губастов, в свою очередь, не напоминал ему об этом. Точно так же, без отклика, оставил Губастов сообщение Леонтьева в письме от 4 апреля 1889 года о том, что тот отправил в Париж свою новую работу («Национальная политика как орудие всемирной революции»): «Я послал свою брошюру в Редакцию „Revue des 2 Mondes“ *Вогюэ*; с надписью; но, *конечно*, без письма» (12, 2, 244). А в более позднем послании Губастова, от 11 августа 1890 года, обнаруживается новое упоминание о виконте: «Мне недавно передавал один товарищ, видевший *Вогюэ*, что по уверению этого последнего наиболее в наст<оющее> время распространенная и пользующаяся наибольшим уважением среди французской молодежи философия... чья бы Вы думали? — Гр<афа> Льва Толстого!.. Очень странно. Не правда ли?»²³

Следует сказать еще, что *Вогюэ* и его дядю, у которого виконт и был секретарем, Губастов назовет в своих неизданных мемуарах среди тех иностранных дипломатов, с которыми постоянно общалась посольская молодежь (а с ними — как мы теперь видим — и Леонтьев).²⁴ Возникает даже вопрос: не вызвана ли поездка виконта в 1874 году на Афон красноречивыми рассказами Леонтьева о Святой Горе? Обратим внимание на то, что в письме к Губастову он упоминает именно «статью об Афоне». И наконец, еще одно любопытное биографическое совпадение: в 1889 году и Леонтьев, и *Вогюэ* были приглашены кн. Д. Н. Цертелевым к сотрудничеству в журнале «Русское обозрение» (он начнет выходить в Москве в 1890-м). *Вогюэ* продолжил печататься там и при новом редакторе, которым стал в 1892 году один из ближайших учеников Леонтьева Анатолий Александров. Вскоре на страницах журнала появились, правда с купюрами, письма Леонтьева к Губастову, а это могло дать первооткрывателю «*l'âme russe*» повод еще раз вспомнить своего константинопольского собеседника в «легендарной красной рубашке».

²³ ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 37.

²⁴ ИРЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 75 об. — 76.

DOI: 10.31860-0131-6095-2021-2-92-104

© Н. Л. Васильев, © Д. Н. Жаткин

НЕИЗВЕСТНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭПИГРАММА П. А. ВЯЗЕМСКОГО В АРХИВЕ Я. К. ГРОТА*

Обширное поэтическое наследие П. А. Вяземского в полной мере еще не учтено, хотя и заметно дополняется в последнее время новыми фактами его творческой деятельности, архивными материалами.¹ В данном случае мы ставим задачу ввести в на-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-04-00069а «Неопубликованные, анонимные и малоизвестные произведения П. А. Вяземского (библиография, текстология, поэтика)».

¹ См.: *Панов С. И.* Из литературной почты «Арзамаса» // Литературный факт. 2016. № 1/2. С. 183–184, 189, 195; *Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н.* 1) Словарь поэтического языка П. А. Вяземского (с приложением малоизвестных и непубликовавшихся его стихотворений). М., 2015. С. 383–405; 2) Франкоязычное сатирическое стихотворение П. А. Вяземского о Крымской войне // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. VIII: Сб. науч. трудов. М., 2017. С. 217–223; 3) К вопросу об авторстве анонимного стихотворения «На нынешнюю войну» («Вот, в воинственном азарте, воевода Пальмерстон...») // Русская литература. 2017. № 1. С. 133–145; 4) Новые архивные данные об авторстве анонимного стихотворения «На нынешнюю войну» (1854) // Литературный факт. 2018. № 9. С. 282–293; 5) К вопросу об авторстве аноним-

учный оборот и прокомментировать еще одно непечатавшееся произведение поэта, сохранившееся в архиве академика Я. К. Грота.

1

Выдающийся филолог, автор разноплановых лингвистических и литературоведческих трудов, выпускник Царскосельского лицея Я. К. Грот (1812–1893) был знаком с Вяземским, переписывался с ним в 1840–1870-х годах,² а также имел непосредственное отношение к изданию «Полного собрания сочинений» Вяземского,³ особенно к подготовке первого из поэтических томов⁴ и обсуждению автобиографической статьи, открывавшей собрание произведений писателя, о чем говорил ему в феврале 1877 года, приложив копию своего отзыва: «С живейшим интересом, чуть не в один присест, прочел я автобиографическое предисловие князя Петра Андреевича. Нахожу, что оно и оригинально и прекрасно. Таково останется оно, если в нем и ничего не изменять; но так как оно сообщается нам вероятно для того, чтобы узнать наше мнение о нем в подробностях, то я выскажу те немногие замечания, которые приходили мне на мысль при чтении его».⁵

5/17 апреля 1877 года Вяземский отвечал Гроту из Гомбурга (Bad Homburg vor der Höhe): «Ваш отзыв о моем *введении* мне очень приятен и лестен»; «Не умею исправлять себя. Охотнее и скорее напишу пять новых листов, нежели переправлю один. Да и переправка написанного — ведь это почти то же, что *une photographie retouchée*. Эта работа мне не по нутру. Впрочем, постараюсь сделать все что могу. Во всяком случае будьте моим ходатаем и защитником пред потомством».⁶

Незадолго до этого Грот встречался с Вяземским в Германии, о чем известно из того же письма последнего: «Обещал я прислать Вам мой *Цветок*,⁷ прочитанный Вам в Гомбурге. Но не могу отыскать его ни в памяти, ни в бумагах своих. Еще доказательство, что пишу для писания».⁸

Можно заключить, что у Грота имелись автографы и копии стихотворений Вяземского, полученные им через эпистолярные и личные контакты с писателем. По словам сына академика, «Я. К. Грот состоял <...> в разное время в письменных сношениях с кн. Вяземским как по поводу интересовавших их обоих историко-литературных воспоминаний или современных литературных вопросов и явлений, так и при взаимном обмене их своими произведениями пера».⁹

В свою очередь, К. Я. Грот (1853–1934) опубликовал два неизвестных произведения Вяземского, обозначенных поэтом в качестве шутливой циклизации «Мои выходы (то есть стихи, которые я выхаживаю в прогулках моих)»:¹⁰ «Под этим

ного стихотворения «Кто кому нужнее?» («Итак, не сказка уже это...») // Русская литература. 2019. № 3. С. 92–103; 6) Поэтическое наследие П. А. Вяземского // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 3. С. 123–133; *Рейтблат А. И.* Забытое свидетельство об авторстве стихотворения «На нынешнюю войну» // Русская литература. 2019. № 3. С. 240–241.

² См., в частности: К автобиографии кн. П. А. Вяземского (Отзывы о ней Я. К. Грота и самого князя П. А.) / Сообщил К. Я. Грот // Старина и новизна. 1909. Кн. 13. С. 27–36; Из переписки Я. К. Грота с кн. П. А. Вяземским / Сообщил К. Я. Грот // Там же. 1915. Кн. 19. С. 1–14.

³ *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. / <Под ред. Н. П. Барсукова, А. Ф. Бычкова, Я. К. Грота>; изд. С. Д. Шереметева. СПб., 1878–1896.

⁴ Там же. Т. 3. Стихотворения. Ч. 1. 1808–1827 / Под ред. Ф. Н. Берга, с участием А. Ф. Бычкова и Я. К. Грота. СПб., 1880.

⁵ К автобиографии кн. П. А. Вяземского. С. 28.

⁶ Там же. С. 30, 32.

⁷ «Цветок» («Зачем не увядаем мы...») — из 10-частного цикла «Из собрания стихотворений: Хандра с проблемками» (1875–1876). См.: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. 12. Стихотворения. Ч. 4. 1863–1877. С. 517–518.

⁸ К автобиографии кн. П. А. Вяземского. С. 32.

⁹ Из переписки Я. К. Грота с кн. П. А. Вяземским. С. 1.

¹⁰ Их отголосок проследивается и в архиве Вяземского: «Мои выходы» («Вопрос себе позволю дерзкой: / Кто Пуцикович? Кто Мещерской? / <...>» (1877) — два варианта шутливости сти-

заглавием на листке, присланном к Я. К. Гроту при одном из писем, записаны князем П. А. четыре маленьких стихотворения, из которых два <...> были напечатаны в собрании сочинений князя <...>. Но 1-ое и 4-ое не имеются там, а потому и печатаются нами здесь».¹¹

Приведем эти тексты, поскольку они не воспроизводились с момента их публикации, хотя дополняют психологическими нюансами целостное впечатление от поздней лирики Вяземского, высказанное в письме Грота в конце марта 1874 года по поводу сборника «Складчина»:¹²

I.

На радость я уж стар, на скорбь еще я молод:
И поздней осени и заморозков холод
Не остудили слез, которым счета нет,
Не порвали всех струн, в которых есть ответ
На каждую печаль сродни с душой моею:
Еще могу страдать и плакать я умею.

IV.

МОЖЕТ И ДОЛЖЕН

Еще дней несколько — пожалуй — два-три года,
Ведь годы те же дни, снесет и их волной;
Но час уж не далек: свое возьмет природа,
И что земля дала вновь примется землей.

От смерти, знаю я, увы! не щит — и младость:
И с ветки молодой срывает цвет она,
В то время, как его приветствует и радость,
И солнце первое, и первая весна.

Смерть не разборчива: как часто старец хилой
Переживает тех, которых зрел рассвет,
И сам едва живой, пред раннею могилой
Хоронит в ней, кем жил и все чего уж нет.

(И пламень молодой)
И молодой огонь угаснуть рано может,
Но светлым будущим он мог еще владеть:
Ждать старцу нечего и век его уж прожит.
Не то, что *может*, нет, он *должен* умереть.¹³

2

Как видим, поэт в конце жизни щедро делился с корреспондентом всеми проявлениями своего гражданско-лирического темперамента, в том числе интимными элегическими медитациями. Тем не менее Я. К. Грот, имея отношение к подготовке Полного

хотворения по поводу сотрудников петербургского еженедельника «Гражданин»), что является еще одним свидетельством литературно-публицистической активности писателя в 1870-е годы. См.: РГАЛИ. Ф. 195 (Вяземские). Оп. 1. Ед. хр. 1140. Л. 125, 126 об.

¹¹ К автобиографии кн. П. А. Вяземского. С. 35.

¹² «Вчера вечером я в своем семейном кругу начал чтение этого сборника Вашими стихотворениями <...>. Как ни привыкли мы к Вашему таланту, а тут <...> мы были просто изумлены свежестью, богатством поэзии, которая так и бьет ключом из каждого слова, и самородною прелестью свободного, мастерского стиха» (Из переписки Я. К. Грота с кн. П. А. Вяземским. С. 8–9).

¹³ К автобиографии кн. П. А. Вяземского. С. 36.

собрания стихотворений Вяземского (по существу, посмертного, так как остальные тома лирики князя вышли в 1880, 1887 и 1896 годах), не включил туда и следующую эпиграмму поэта, чутко реагировавшего, даже за пределами России, на отечественную журналистику и публицистику:

Хотя демократизм и к нам уж затесался,
Но всё ж наследственный порядок мы храним:
Белинский сгоряча объелся Полевым
И Незнакомцем опростался.

Кн. Вяземский. 1872¹⁴

Эпиграмма задевала многих, и прежде всего — влиятельного литератора А. С. Суворина (1834–1912),¹⁵ о котором позже С. А. Венгеров сообщал в биографической справке: «Широкою известность С<уворин> приобрел во второй половине 60-х годов, когда он под псевдонимом *Незнакомец* стал писать в „С<анкт>-П<етер>б<ургские> вед<омости>“ воскресный фельетон («Недельные очерки и картинки»). Крупное значение в газетном деле этому фельетону впервые дал блестящий талант С<уворина>, соединявший в себе тонкое остроумие с искренностью чувства и умением к каждому предмету подойти со стороны его общественного значения. С<уворин> расширил рамки воскресного фельетона, введя в него обсуждение самых различных сторон современной государственной, общественной и литературной жизни. Это были лучшие опыты русского политического памфлета, не стеснявшиеся нападать очень резко на отдельных лиц, но вместе с тем только на общественную сторону их деятельности. Самые сильные удары С<уворин> наносил представителям реакционной журналистики — Каткову, Скарятину, кн. Мещерскому и др. По своим убеждениям С<уворин> был умеренно-либеральный западник <...>. Это сближало его, между прочим, с „Вестником Европы“, где он в 1869–1872 гг. помещал заметки о новых книгах и ряд критических и др. статей <...>. Огромный успех фельетонов Незнакомца сделал его имя ненавистным в известных кругах, и когда в 1874 г. В. Ф. Корш и его редакция были устранены от „С<анкт>-Петер<бургских> Вед<омостей>“ <...>, то одним из главных к тому мотивов были выставлены фельетоны С<уворина>».¹⁶

А. С. Суворин являлся сыном крестьянина-однодворца из Воронежской губернии, участника Бородинского сражения, получившего после отставки чин капитана вместе с потомственным дворянским достоинством; мать писателя происходила из среды сельского духовенства, но «осталась век неграмотной».¹⁷ Демократическое и одновременно провинциальное происхождение, наряду с большой журнальной активностью и успехом у читателей, связывало имя этого журналиста в сознании Вяземского с Н. А. Полевым и В. Г. Белинским.

Последнего Вяземский явно недолюбливал, с неизменной резкостью вспоминая о нем в эпоху шестидесятников: «За что ж ваш гнев меня безжалостно похерил? / А вот за что: назло поклонникам иным, / Всем лжепророкам я не верю и не верил, / И поклоненье их <им?> мне кажется смешным. // Так что ж? Белинский ваш, хоть будь сто раз Белинский, / Весь русский журнализм нельзя ж за ним признать. / Вольно ж вам, рекрутам его, под лад воинский, / При имени его на вытяжке стоять» («Меня „за ненависть к журналам“ судят строго...», 1861); «Смешон и жалок не Белинский, / Да и к тому ж покойник он, / А по пословице латинской, / Грешно тревожить мертвых сон. // Как мы живого не читали, / Когда, Бог знает из чего, / Журналы толстые

¹⁴ ИРЛИ. Ф. 88 (Я. К. Грот). Оп. 2. № 40. Л. 1 (архивная единица имеет следующую помету: «Копия. Подпись рукою Я. К. Грота»).

¹⁵ См. о нем, в частности: *Динерштейн Е. А., Рейтблат А. И.* Суворин Алексей Сергеевич // *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь.* М.; СПб., 2019. Т. 6. С. 110–117.

¹⁶ *Энциклопедический словарь: В 86 т. / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон.* СПб., 1901. Т. XXXIа. С. 894–895.

¹⁷ См., в частности: *Глинский Б. Б.* Алексей Сергеевич Суворин: Биографический очерк. СПб., 1912. С. 4–7.

трещали / Под плодовитостью его, — // Так мертвого в забвенье тихом / Оставить рады были б мы, / Не помяная злом и лихом / Его журнальной кутерьмы. // Но к удивленью, вдруг он ожил, / Иль им поднятый пустозвон, / И мертвый он себя помножил / На замогильный легион. // Не в хладный гроб, в кощунстве диком, / Пришла охота нам стрелять, — / А в птиц ночных, засевших с криком / На гробе тризну совершать» («De mortuis aut nihil, aut bene», 1862?); «Своим пером тупым и бурным / Белинский, как девятый вал, / Искандером¹⁸ литературным / Во время оно бушевал. // Теперь за ним с огнем воинским / Искандер сам на бой предстал / И политическим Белинским / Рассудок ломит наповал» («Своим пером тупым и бурным...», 1864).¹⁹

Особенно примечательно в этом плане стихотворение Вяземского «Когда Карамзина не стало...», впервые опубликованное в сборнике поэта «В дороге и дома» (М., 1862. С. 320–323). Здесь в более пространной форме изложена та же историко-литературная трактовка становления отечественной словесности, что и в эпиграмме на Незнакомца: «Когда Карамзина не стало, / Надолго умер Карамзин; / Наследников нашлось немало, / Но из законных — ни один. // <...> // Не стало Пушкина; перуном / Разбитый, лавр его завял — / И не расцвел в побеге юном; / Из пепла феникс не возстал. // Белинский умер; Жив Белинский! / Его не пресекаем род; / Замрет, но в силе исполинской / Он тут же даст сторичный плод. // Уж многих нет давно; они же, / Белинские, рождаются вновь; / Умом хоть первого пониже, / Но та же удал, та же кровь. // В угаре вечном и в задоре, / Они пьянеют от чернил / И пьяным по колена море, / А выплыть на берег нет сил. // Как в балаганах под Новинским / Есть каждый свой крикун-фигляр, / Везде на память о Белинском / Есть свой бессменный тарабар. // <...> // В сей век огромного размера / Огромностей не перечеть; / В любом журнале для примера / Извольте справку вы навесь. // Приняв в обычай прибаутку, / Там взапуски спешат упеть / И Грибоедовскую шутку / И Скалозуба склад и речь. // <...> // Теперь пошел порядок новый — / И в воду старые концы! / Челом поникнуть мы готовы / Пред вами, новые дельцы. // Вы образцы ума и слога! / Но все же, как водилось встарь, / Хотя взгляните, ради Бога, / В Академический словарь...».²⁰

О Н. А. Полевом, с которым Вяземский тесно сотрудничал в 1820-х годах в «Московском телеграфе», поэт публично упоминал главным образом в начале 1830-х годов с такой же неприязнью, например: «Как спорить с Полевым, когда сей критик чуткий / Рассудит, охая, что я тяжел на шутки? / Быть может... Тяжела ль иль нет моя рука, / Вернее знают всех про то его бока» (1833).²¹

В формальном плане в эпиграмме обращает на себя внимание, в частности, лексема *демократизм*, ранее в поэзии Вяземского не встречавшаяся, что примечательно в аспекте расширения представлений о его лексиконе, чуткости писателя к языковым новациям второй половины XIX века.²² Впервые это идеологическое понятие фиксируется в словаре А. Д. Михельсона «30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык» (М., 1866).²³ По данным Национального корпуса русского языка, в поэзии указанное слово было использовано до Вяземского в памфлете В. П. Буренина «Песнь о Педефиле и Педемахе», направленном против педагогических идей М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева: «Пресса здравая есть признак / Здравой жизни; что ж в статьях / Русской прессы обретают / Педефил и Педемах? // Порицание порядка, / Непочтительность к властям, / Недостаток уваженья / К греко-римским словарям. // Вредный дух демократизма / И глумление — о страх! — / Над мужами, коих имя / Педефил

¹⁸ А. И. Герцен.

¹⁹ *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. 11. Стихотворения. Ч. 3. 1853–1862. С. 370, 443; Т. 12. С. 166–167.

²⁰ Цит. по: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 439–441.

²¹ Русская эпиграмма (XVIII — начало XX века) / Вступ. статья М. И. Гиллельсона, сост. и прим. М. И. Гиллельсона и К. А. Кумпан; подг. текста К. А. Кумпан. Л., 1988. С. 225–226.

²² См.: *Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н.* Словарь поэтического языка П. А. Вяземского... С. 31.

²³ См. об этом: Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич. М.; СПб., 2006. Т. 4. С. 663.

и Педемах»;²⁴ позже оно попало в поле зрения и В. В. Маяковского: «Демократизмы, / гуманизмы — / идут и идут / за измами измы» («150 000 000», 1919–1920).²⁵ Употребление этого слова в прозаических сочинениях обнаруживается гораздо ранее — в статье К. Д. Ушинского «О народности в общественном воспитании» (1856): «Особенно восстают американцы против нововведений из Германии, и педагогика их до сих пор носит более английский характер, хотя сильно измененный *демократизмом*».²⁶ Не прошли мимо этого неологизма в 1860-х годах и Ф. М. Достоевский, А. А. Фет, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. Ф. Писемский, К. Н. Леонтьев, Н. С. Лесков, А. И. Герцен, Н. Я. Данилевский и др. Особенно созвучно Вяземскому высказывание Фета: «Как выражение сознательной косности, veto литератора еще не оскорбляло бы нравственного чувства; но оно возмутительно своим притоком — струею *демократизма*, в самом циническом значении этого слова» («Из деревни», 1863).²⁷ Заметим, что одновременно с актуально-злободневным акцентированием данного концепта Вяземским в подтексте эпиграммы виртуально присутствует знаменитый пушкинский поэтический образ: «... Что геральдического льва / *Демократическим* копытом / У нас лягает и осел: / Дух века вот куда зашел!» («Езерский», ч. IX, 1832).

Еще одна примечательная лексическая деталь эпиграммы Вяземского — просторечный глагол *затесаться*, употребленный Вяземским ранее по отношению к Ф. В. Булгарину: «Свинья в театр когда-то затесалась / И хрюкает себе, — кому хвалу, / Кому хулу <...>» («Крыловская хавронья», 1845).²⁸ Преемственно это стихотворение связано не только с басней И. А. Крылова «Свинья» (1811), где фигурирует *Хавронья*,²⁹ но и с пушкинской эпиграммой на М. Т. Каченовского «Хаврониос! ругатель закоснелый...» (1821).³⁰ Любопытно, что инвективу Вяземского когда-то косвенно поддержал именно В. Г. Белинский — в статье «Несколько слов о фельетонисте „Северной пчелы“ и „Хавронье“» (Отечественные записки. 1845. № 6): «Ему (фельетонисту. — Н. В., Д. Ж.) почему-то очень не понравилась напечатанная в „Отечественных записках“ басня „Хавронья“».³¹ О вкусах спорить нечего! Он нашел крайне неприличными слова: *грязная щетина, запах и вонь*. И об этом не спорим. Кому не известно, что и басня Крылова „Свинья“, в блаженной памяти доброе старое время, показалась неприличною и что в провинциальном обществе даже теперь, по свидетельству Гоголя, дамы, вместо того, чтоб сказать: *стакан воняет*, говорят: *стакан дурно ведет себя*...»³²

Колоритный просторечный глагол *опростаться* («освободиться от содержимого, опорожниться») Вяземским до этого не использовался, что тоже следует учесть, говоря о стилистическом спектре его поэтического языка и отдаленных реминисценций. Указанная лексема встречается, однако, в сатирическом трактате Я. Б. Княжнина, высмеивающего графоманию: «О, ужас!.. толщиной он <племянник-поэт. — Н. В., Д. Ж.>

²⁴ *Выборгский пустынный*. Гражданско-поэтические отголоски. I. Песнь о Педифиле и Педемахе // Отечественные записки. 1871. № 6. Отд. II. С. 409. См. также: Поэты «Искры»: В 2 т. / Вступ. заметка, сост., подг. текста и прим. И. Г. Ямпольского. Л., 1987. Т. 2. С. 332, 418 (прим.). Курсив наш. — Н. В., Д. Ж.

²⁵ *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 2. С. 157. Курсив наш. — Н. В., Д. Ж.

²⁶ *Ушинский К. Д.* Собр. соч.: [В 11 т.]. М.; Л., 1948. Т. 2. С. 119. Курсив наш. — Н. В., Д. Ж.

²⁷ *Фет А. А.* Соч. и письма: В 20 т. СПб., 2007. Т. 4. С. 184. Курсив наш. — Н. В., Д. Ж.

²⁸ Отечественные записки. 1845. № 4. С. 328 (с подписью ***). См.: также: *Вяземский П. А.* 1) Полн. собр. соч. Т. 4. Стихотворения. Ч. 2. 1828–1852. С. 293; 2) Стихотворения / Сост., подг. текста и прим. К. А. Кумпан. Л., 1986. С. 280, 505 (прим.).

²⁹ «Не дай Бог никого сравнением мне обидеть! / Но как же критика Хавроньей не назвать, / Который, что ни станет разбирать, / Имеет дар одно худое видеть?»

³⁰ См. также: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2016. Т. 2. Кн. 2. С. 28, 587–589 (прим.).

³¹ См.: *Ф. Б.* [Булгарин Ф. В.]. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1845. 12 мая. № 106. С. 422.

³² *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: [В 13 т.]. М., 1955. Т. 9. С. 140. В примечании В. С. Спиридонова (при участии Ф. Я. Приймы) к высказыванию критика о восприятии басни в «доброе старое время» отмечается: «„Натуральностью“ этой басни возмущался М. Т. Каченовский в своей рецензии на „Новые басни“ Крылова («Вестник Европы» 1812, № 4, стр. 303–311)» (с. 732).

с Проптера³³ казался, / Но спичкой стал, когда от драмы *опростался*. / <...> / Тиран сей, пользуясь моим остолбенением, / Чтоб умертвить меня тетради толстой чтеньем, / В кафтану петлю мне свой перст загнул, как крюк, / И средства тем лишил избегнуть лютых мук» («От дяди стихотворца Рифмоскрыпа», 1787).³⁴

Пуантой эпиграммы Вяземского является скатологический троп «реинкарнации» знаковой литературной фигуры, восходящий к сатире Вольтера «*Le pauvre diable*»³⁵ и актуализованный, в частности, в произведениях наиболее близких Вяземскому по духу русских поэтов, причем в сходных контекстных условиях, ср.: «Нахальство, Аристарх, таланту не замена; / Я буду всё поэт, тебе наперекор! / А ты — останешься всё тот же крохобор, / Плюгавый выползок из <гузна> Дефонтена» (И. И. Дмитриев «Ответ», 1806);³⁶ «Бессмертной рукой раздавленный зоил, / Позорного клейма ты вновь не заслужил, / Бесчестью твоему нужна ли перемена? / Наш Тацит на тебя захочет ли взглянуть? / Уймись — и прежним ты стихом доволен будь: / *Плюгавый выползок из гузна Дефонтена*» (А. С. Пушкин «<На Каченовского>», 1818).³⁷

Менее очевидна и небесспорна каламбурная аттракция третьей строки эпиграммы (*Белинский сгоряча объелся Полевым*) с общеславянским по происхождению выражением *белены объелся*,³⁸ усиливаемая остроумной корреляцией с понятием *поле* как местом произрастания дикого ядовитого растения, название которого в свою очередь этимологически может восходить к греко-латинскому аналогу *hyoscyamus* «свиные бобы»,³⁹ что для читателей XIX века, знакомых с классическими языками, было не столь уж далеким от понимания...

3

В историко-литературном плане следует учесть, что переписка Вяземского с Гротом продолжалась почти 30 лет.⁴⁰ Заочное общение корреспондентов началось по инициативе младшего из них, чтобы сгладить неловкость от критических замечаний в адрес автора вышедшей монографии «Фон-Визин» (СПб., 1848), вызвавшей полемику в России (А. Д. Галахов, С. П. Шевырев, Я. К. Грот и др.), в частности по поводу оценки Вяземским *литературных авторитетов XIX века*.⁴¹ Свообразным посредником между ними был П. А. Плетнев, о чем Грот говорит Вяземскому в первом письме: «Посылая к Петру Александровичу статью мою о Вашем „Фон-Визине“, я не смел просить его показать ее Вам. Но Вы не только прочли ее; Вы, по его желанию, указали в ней и некоторые промахи, которыми я непременно воспользуюсь

³³ «Известный аглинский купец своею чрезвычайною толщиною» (прим. Я. Б. Княжнина).

³⁴ Княжнин Я. Б. Избр. произведения / Вступ. статья, подг. текста и прим. Л. И. Кулаковой. Л., 1961. С. 666. Курсив наш. — Н. В., Д. Ж.

³⁵ *Vermisseau né du cu de Des Fontaines* (Ничтожный червь из зада Дефонтена, *фр.*). См.: *Voltaire. Le pauvre diable*. Paris, 1758. P. 10.

³⁶ Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья, подг. текста и прим. Г. П. Макогоненко. Л., 1967. С. 357, 461 (прим.). См. также: Велижев М. Б. И. И. Дмитриев и Вольтер. О механизмах формирования «двойной идентичности» литератора в начале XIX века // *Русская литература*. 2017. № 3. С. 170–183.

³⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 29, 525–528 (прим.).

³⁸ См.: Бирих А. К., Мокшенко В. М., Степанова Л. И. *Русская фразеология: Историко-этимологический словарь*. М., 2005. С. 47.

³⁹ «...латинизированное греч. название растения *‘υοσκίακος*, которое образовано от *hys* (*‘υς*, *суз* — свинья) и *kuamos* (*κίακος* — боб). Название дано Диоскоридом, т. к. было известно, что свиньи, поедавшие белену, заболевали» (*Светличная Е. И., Толок И. А.* *Этимологический словарь латинских ботанических названий лекарственных растений: Учеб. пособие*. Харьков, 2003. С. 127). См. также: *Латинско-русский лексикон с полным объяснением всех свойств и значений каждого латинского слова и с показанием собственных имен, до древней географии и мифологии относящихся* / Сост. И. Кронеберг: В 2 ч. М., 1834. Ч. 1. Стб. 838.

⁴⁰ См.: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1788. Письма Грота Якова Карловича Вяземскому Петру Андреевичу. С пометками П. А. Вяземского. 1 декабря 1848 — 3 ноября 1878 (39 п., 56 л.).

⁴¹ См.: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 318–319.

сколько могу. Примите, князь, мою искреннейшую признательность за внимание Ваше к моему труду».⁴²

В скором времени (предположительно на дружеской встрече по случаю женитьбы П. А. Плетнева) Вяземский и Грот были представлены друг другу. В связи с этим Грот обращался во втором письме к Вяземскому 22 февраля 1849 года, напоминая об услышанном из уст самого князя новом творческом замысле: «...одна из причин, останавливающих Вас приняться за биографию Карамзина, есть необходимость рассмотреть и исторический труд его», — побуждая корреспондента хотя бы написать «несколько отрывочных рассказов и мыслей об этом исполине русского слова».⁴³

Следующее письмо Грота к Вяземскому датировано 2 марта 1861 года и вызвано юбилейными торжествами по случаю 50-летия литературной деятельности князя.⁴⁴ Дальнейшие эпистолярные контакты со стороны Грота инициировались исследовательским интересом академика к «Арзамасу» (1864), комментированием упоминаний малоизвестных лиц в готовящемся издании писем Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, известием о смерти П. А. Плетнева в Париже и его похоронах (1866), намерением опубликовать свидетельство поэта о смерти А. С. Пушкина: «...было ли где-нибудь напечатано Ваше письмо к Булгакову о последних днях Пушкина? У меня есть список с этого письма, и если оно напечатано не было, то не позволите ли Вы мне тиснуть его?» (1874).⁴⁵

Сохранились также некоторые ответные письма Вяземского с 1864 по 1877 год.⁴⁶ Часть из них (14 ноября 1869; 1874; 5/17 апреля, 18/30 мая, 4/16 июня 1877) была введена в научный оборот и прокомментирована сыном академика — К. Я. Гротом.⁴⁷ Последний так оценивал взаимный интерес корреспондентов: «Отец мой, высоко чтивший не только чудный поэтический дар кн. П. А., но и его просвещенный и тонкий литературный вкус, его глубокое чутье и такт, не говоря уже об остроумии и блеске в суждениях о старых и новых вопросах и событиях нашей литературной и научной деятельности, спешил всегда делиться с ним своими трудами и изысканиями, а он, с присущими ему пониманием и душевной отзывчивостью, платил Я. К. таким же искренним вниманием и сочувствием, в которых сказывались и глубокое его уважение к деятельности и личности покойного академика, и лестная оценка его ученых и литературных трудов».⁴⁸

В 1854 году, в самый разгар пропагандистской кампании в связи с Крымской войной, Я. К. Грот опубликовал в «Северной пчеле» статью «Россия и Англия», посвященную двум провидческим стихотворениям А. С. Хомякова («Остров» и «России», 1836/1844; 1839),⁴⁹ — что звучало в унисон анонимно напечатанным там же патристическим стихотворениям Вяземского, написанным, однако, в иной стилистике. Заканчивая статью, Грот писал о Хомякове: «К этим стихам прибавлять нечего: они так полно, так красноречиво выражают все, что теперь на душе каждого русского, особенно после той торжественной минуты, когда мы, в Высочайшем Манифесте от 11-го апреля, услышали с Престола многозначительные слова, столь глубоко отозвавшиеся во всех сердцах, которые бьются любовью к Монарху и к отечеству, слова, разоблачившие перед вселенной коварную политику наших западных врагов». Этот факт мог также психологически способствовать их духовному сближению.

⁴² РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1788. Л. 1.

⁴³ Там же. Л. 3–3 об.

⁴⁴ Там же. Л. 5.

⁴⁵ Там же. Л. 33 об. См. также: Из переписки Я. К. Грота с кн. П. А. Вяземским. С. 4–7.

⁴⁶ СПФ АРАН. Ф. 137 (Я. К. Грот). Оп. 3. № 210 (69 л.). К сожалению, указанные материалы сейчас недоступны для исследователей в связи с переездом архива в другое здание. Часть писем Вяземского в 1874 году из Гомбурга к Гроту напечатал сын академика. См.: Из переписки Я. К. Грота с кн. П. А. Вяземским. С. 5–6, 10–12.

⁴⁷ К автобиографии кн. П. А. Вяземского; Из переписки Я. К. Грота с кн. П. А. Вяземским.

⁴⁸ Из переписки Я. К. Грота с кн. П. А. Вяземским. С. 1.

⁴⁹ Грот Я. Россия и Англия // Северная пчела. 1854. 20 апр. № 87. С. 575–576. См.: Хомяков А. С. Стихотворения и драмы / Вступ. статья, подг. текста и прим. Б. Ф. Егорова. Л., 1969. С. 106–107, 110–112, 556–558 (прим.). См. также: Науменко В. Г. Из неслучайных газетных опытов Я. К. Грота: «Россия и Англия. 1854» // Обсерватория культуры. 2013. № 3. С. 123–125.

Грот был в числе выступавших на юбилейном чествовании писателя 2 марта 1861 года, организованном Отделением русского языка и словесности Академии наук в Петербурге. В отчетном академическом издании сообщалось: «Собрание гостей, из которых многие, привлекаемые занимательностью приветствий и разговоров <...> уже давно сходились в небольшие кружки, незаметно из большой конференции-залы перешли в малую. <...> Здесь виновник праздника, теснее и еще дружелюбнее поминутно окружаемый расхаживавшими товарищами и друзьями, по-прежнему оставался предметом общего внимания и участия. Со всею искренностью каждому хотелось еще раз заявить ему свое уважение и выразить задушевную мысль. Яков Карлович Грот в это время обратился к нему со следующей речью: <...>».⁵⁰

Встречались они и позже, о чем вспоминал сам Вяземский (см. выше); да и Грот в письме к нему 22 февраля 1874 года напоминал: «...Карамзин только в 1816 г. ездил в Петербург, и Пушкин, будучи в Лицее, не мог прежде видеть его. Мне нужно в точности знать, кто тогда сопровождал историографа. Сколько мне помнится, я слышал от Вас, что это были: Вы, Вас. Пушкин и Жуковский».⁵¹

Несомненно, что возраставший научный авторитет Грота и его внимание к литературной истории, особенно к Карамзину и Пушкину, вызывали симпатию у Вяземского и делали первого отчасти конфиденентом князя в оценках прошлой и текущей словесности. Этим можно обосновать посылаемые Вяземским время от времени Гроту стихи, не рассчитанные на публичность. В письме к нему от 2 (14) апреля 1874 года из Гомбурга Вяземский благодарил корреспондента за информацию о выходе сборника «Складчина», где были помещены, в том числе, его стихотворения и «Отметки при чтении похвального слова Екатерине II, написанного Карамзиным» вместе с доброжелательным отзывом Грота о творчестве Вяземского и, не исключено, издательским гонораром: «Любезным письмом Вашим Вы к празднику поднесли мне такое милое красное яичко, что *вкушая* его, кажется, и сам краснел и от удовольствия и скромности. Если и стереть с него несколько лишних красок, которые Вы, в добрый час, придали ему вообще по хорошему и благоволятельному расположению Вашему и в особенности по благорасположению ко мне, то и тогда будет с меня довольно для насыщения авторского честолюбия моего. Во всяком случае много дорожу Вашим судом и отзывом. Стало быть на старости моей я не совсем ударил лицом в грязь и не постыдил памяти моих усопших учителей, образцов, товарищей. Верю Вам, хотя повторяю, с некоторым вычетом. Не перевожу на старые ассигнации то, что Вы щедро пожаловали мне серебром и золотом. Вы и сами несколько принадлежите старому курсу. И после Плетнева и Тютчева, не говоря уж о прежде почивших и всюду православных, Вы один остаетесь, хотя и гораздо младшим, но все же сверстником моим по школе и по преданиям. Других ныне судей не признаю и ни в грош не ставлю суда и приговоров их».⁵² В том же году Грот, сообщая С. И. Пономареву о выходе «Складчины», писал: «Но перл этого сборника — целый ряд стихотворений князя Вяземского, блестящих красотою поэзии, силою оригинальной мысли и легкостью стиха. По поводу их я возобновил с ним переписку. К стати, составленный Вами список всех стихотворений его передан был мне им самим перед отъездом его за границу».⁵³

В последние годы жизни Вяземский явно воспринимал Грота как одного из своих литературных душеприказчиков (наряду с Н. П. Барсуковым и С. Д. Шереметевым); так, 4 (16) июня 1877 года он писал ему: «Охотно и с большим удовольствием предоставляю в распоряжение Ваше присланные Вам стихи мои».⁵⁴

⁵⁰ Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности академика князя Петра Андреевича Вяземского. СПб., 1861. С. 45–49. См. также: Князь П. А. Вяземский. I. Речь на юбилее князя Вяземского // Грот Я. К. Труды: В 5 т. СПб., 1901. Т. 3. Очерки из истории русской литературы. С. 320–322.

⁵¹ Из переписки Я. К. Грота с кн. П. А. Вяземским. С. 4.

⁵² Там же. С. 10–11.

⁵³ Там же. С. 14.

⁵⁴ К автобиографии кн. П. А. Вяземского. С. 34.

4

В архиве самого Вяземского сохранился еще один раздраженный отклик на журнальный процесс второй половины XIX века, в частности на статьи того же А. С. Суворина:

ЗАМЕТКИ

I

За пошлость их грешно журналам нам пенять.
Их пошлость есть расчет, плод мудрости житейской:
Лакейской публике и должно угождать
Литературою лакейской.

II

Напрасно силится прослыть он *незнакомцем*:
Знакомой школы он так и глядит питомцем.
Речь грубо-пошлая и площадная брань,
Под фирмой грамоты безграмотность приличий —
Всё это плевелы литературной дичи,
Журнальных омутов вся эта вонь и дрянь,
Они до тошноты, до скорби, до истомы
Давно знакомы нам и чересчур знакомы.⁵⁵

К этому времени относится набросок статьи Вяземского о русской критике,⁵⁶ лишь частично опубликованный в виде заметки «По поводу статьи о Полевом и Белинском» (1868),⁵⁷ где содержится реплика в связи со статьей, помещенной в газете «Русский», в которой печатался сам поэт.⁵⁸ В оставшейся в архивном виде собственноручной приписке Вяземского к рукописи этой заметки есть, например, такие важные для понимания данной темы суждения: «Лично не знал я Белинского и мало читывал его. Но я знал Полевого. Это почти одно и то же, один содержится в другом. Как в Полевом был уже Белинский, так в Белинском был еще Полевой»; «Полевой и Белинский, как французские эмигранты, ничему не научились, но, по несчастью, и не забыли ничего из того, что схватили урывками, тревожно кидаясь на книги, которые они не вполне уразумели и не до конца дочитали».⁵⁹

Примечательно, что на полях одной из книг 12-томного собрания «Сочинений» Белинского (М., 1859–1862) Вяземский записал: «Полевой роди Белинского, Белинский роди легион».⁶⁰

Возможный шифровальный ключ к эпиграммам Вяземского на Суворина или же их отголоски выявляются в недатированном письме поэта к Гроту в 1874 году — как имплицитная сословно-эстетическая реакция на демократическое происхождение Полевого, Белинского и Суворина: «Письма моего к Булгакову не помню, и было ли оно напечатано — не знаю. Спросите Барсукова, а если успеете, Бартенева. Во всяком случае, если Вам угодно, печатайте его. В статье Анненкова⁶¹ есть неверности и много провинциального, как у многих из наших литературо-публицистов (курсив наш. —

⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 889. Л. 37 об. (список рукой неизвестного лица).

⁵⁶ См.: Там же. Ед. хр. 963. Л. 3–4 (О Полевом и Белинском). 1860–1870-е годы. Автограф.

⁵⁷ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 181–182.

⁵⁸ Кулжинский И. В. Полевой и Белинский (из рукописи литературных воспоминаний) // Русский. 1868. № 114–116. С. 87–95.

⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 963. Л. 3 об. — 4 об. Подразумевается популярное высказывание французского адмирала де Пана (de Panat) из его письма к журналисту Малле дю Пану (1896) о роялистах, ставшее вновь популярным в 1851 году — после публикации переписки последнего.

⁶⁰ См. об этом: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. С. 291.

⁶¹ См.: Анненков П. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху // Вестник Европы. 1873. № 11–12; 1874. № 1–2 (отд. изд.: СПб., 1874).

Н. В., Д. Ж.). Видно, когда говорят они о так называемом высшем обществе — впрочем и в самом деле *высшем*, — что говорят они по слухам, и что это общество для них *terra incognita*».⁶²

В непечатавшихся набросках о литературном процессе 1840-х годов Вяземский, однако, осторожно заметил: «Впрочем, надобно признаться: критика никогда не была у нас в цветущем положении. Одно преимущество прежнего времени перед нашим то, что ею мало занимались. В старое время творили, а не разбирали; можно сказать решительно — за исключением книги Шевырева о древней словесности⁶³ — что у нас не только ни одна литературная эпоха критически не разобрана как следует, но не оценены окончательно ни один писатель, ни одно творение. Были редкие попытки, но полного труда по этой части нет. На единого Карамзина Жуковский как журналист написал несколько критических статей, но, так сказать, мимоходом. Был в начале нынешнего столетия издатель журнала „Московский Меркурий“ Макаров, который выказал способность хорошего критика. Но он умер так рано, что поданные им надежды не успели созреть. Один Мерзляков был у нас сильным критиком в строгом значении этого слова. Жаль, что он не был предан своему призванию, и жаль, что критические труды его не собраны. Он разобрал некоторые из важнейших творений наших старых писателей, и разборы его могли бы обратить на себя внимание читателей».⁶⁴ Отсюда тоже видны литературные приоритеты поэта, выдающие некоторую сословно-корпоративную детерминированность.

О симпатиях Суворина к *демократизму* в лице Н. Г. Чернышевского и Н. А. Некрасова Вяземский мог узнать и от своего зятя — министра внутренних дел Российской империи П. А. Валуева.⁶⁵

5

Что же конкретно спровоцировало Вяземского в 1872 году на резкий выпад против Суворина? Можно предположить, что одним из психологических триггеров этого шага были безапелляционные суждения критика в одной из статей о дорогих поэту именах, где вскользь, в бестактном тоне, упоминалось и о самом князе и, наоборот, с большим уважением на трех страницах — о Белинском: «О Пушкине у нас в последнее время стали появляться мнения, сияющиеся повалить его окончательно не только как человека, но и как писателя. Нам кажется, что следовало бы принимать больше к сведению обстоятельства, в которые он был поставлен <...> Между тем, если б захотел он, то выход из такого положения не представил бы для него значительных препятствий и он так же спокойно мог бы петь, как пел Жуковский, этот счастливейший из всех русских поэтов, на жизненном небе которого не прошло ни единого мрачного облачка, если не считать за таковое насмешку над ним князя Шаховского, представившего его в комедии своей „Урок кокеткам, или Липецкие воды“ в лице поэта Фиалкина; но и тут, как говорит сам Жуковский: „Друзья за меня заступились».⁶⁶ Дашков написал жестокое письмо к новому Аристофану; Блудов написал презабавную сатиру, а Вяземскому сделался понос⁶⁷ эпиграммами...⁶⁸. <...> Жуковский был ярким представителем искусства для искусства <...> Гармонию стиха и поэтические образы Жу-

⁶² Из переписки Я. К. Грота с кн. П. А. Вяземским. С. 7.

⁶³ Вероятно, имеется в виду книга «Обозрение русской словесности в XIII веке» (СПб., 1854).

⁶⁴ См.: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1082 (О современном состоянии литературы и критики). Статьи. Отрывки. (1840-е гг.). Автограф. 10 л.

⁶⁵ См. также: *Динерштейн Е.* Публицист «крайних убеждений»: Путь А. С. Суворина к «Новому времени» // *Лица: Биографический альманах.* М.; СПб., 1995. Вып. 6. С. 238–274.

⁶⁶ В оригинале: *вступились.*

⁶⁷ В оригинале: *п.*

⁶⁸ Из письма Жуковского к А. П. Киреевской (Елагиной) и А. П. Юшковой (Зонтаг) от 10–13 ноября 1815 года, см.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2019. Т. 15. Письма 1795–1817-х годов. С. 414.

ковский ставил выше всего <...> Таковы факты из истории русской литературы, которые мелькают пред глазами при перелистывании второго тома „Галлерей“. Этот том можно принять за „Ад“ Данте: на каждом шагу встречаются души, изнывающие в муках <...> в истории русской литературы во всяком случае имя Белинского займет одно из первых мест, наряду с именами Пушкина, Гоголя и Лермонтова». ⁶⁹

Между тем в сочинениях Суворина можно найти парадоксальные упоминания имен Вяземского и Белинского в одном контексте, как единомышленников, комплиментарные суждения о Вяземском и весьма сдержанные оценки Белинского, например в статье «„Горе от ума“ и его истолкователи» (1886): «Таковыми придирками и таким „лезгинским“ остроумием занимался <М.> Дмитриев, и они, разумеется, находили себе сочувствие не только в староведах, кружок которых редел и редел, но и среди многих либералов: последним не нравились в комедии некоторые места и намеки, которые они могли принять на свой счет, и это недовольство либералов длится до сих пор, благодаря в значительной степени тому, что оно нашло себе таких сильных выразителей, как Белинский и князь Вяземский <...> У нас многие верят, что до Белинского едва ли кто произнес о литературе правдивое слово, что он первый все определил, разместил и увековечил. История русской литературы так мало у нас разработана, что подобные мнения принимаются у нас на веру, без всякой проверки, и Белинский царит, хотя пора бы анализировать этого критика и указать на те промахи и даже нелепости, которых достаточно в 12 томах его произведений <...> Князь Вяземский отличался большим критическим тактом и в своем кругу играл роль авторитета настолько значительную, что даже Пушкин ему несколько подчинялся. Мнение князя Вяземского цитирует Галахов в своей „Ист. р. слов.“, и потому на них мы остановимся еще далее; теперь же ограничимся тем, что он говорит о Чацком. В своей книге о Фонвизине он хвалит „благородство правил“ Чацкого, но „способность проповедовать“ его „утомительна“. „Ум, каков Чацкого, не есть завидный, ни для себя, ни для других. В этом главный порок автора, что посреди глупцов разного свойства вывел он одного умного человека, да и то бешеного и скучного (?). Мольеров Альцест (в «Мизантропе»), в сравнении с Чацким, настоящий Филинт, образец терпимости. Пушкин прекрасно характеризовал сие творение, сказав: *Чацкий совсем не умный человек, но Грибоедов очень умен*...». ⁷⁰

Однако по мере обретения печатного авторитета и уже после смерти князя Суворин отзывался о Вяземском менее почтительно, например: «Князь Вяземский посвятил комедии Грибоедова три странички в своем „Фонвизине“, вышедшем в 1848 г. (5 том «Полного собрания сочин. кн. Вяземского»⁷¹). <...> Уж это предисловие ничего не обещает хорошего, ибо от него веет фальшью. Кто беспристрастен, тот не предвзывает о своем беспристрастии, как о некоторой милости или снисходительности, да еще к такому гениальному писателю, как Грибоедов; наконец, можно быть беспристрастным и выражать ложные мнения; он „глубже и сильнее многих был поражен“ смертью Грибоедова, но если это так, почему же он не оставил какого-то следа этого своего чувства ни в журналистике, в которой принимал участие в момент смерти Грибоедова, ни в своих стихотворениях, из которых столь многие обязаны разным „случаям“, „на смерть“ и т. п., ни в своей „Записной книжке“, куда вносилось так много всяких мелочей, слухов, впечатлений? Почему это так случилось? Грибоедов мог заключить, по мнению самого же князя Вяземского, что „умеренность“ последнего „сбивалась на недоброжелательство“, что были „сплетни“, разводившие их. Не играло ли роль в этом молчании князя о Грибоедове именно это „недоброжелательство“? Не сказалось ли оно и в его критике 1848 года,⁷² почти двадцать лет после смерти Грибоедова? Во всяком случае, князь Вяземский повторил в своей критике *отчасти Белинского* (курсив

⁶⁹ С-н. А. [Суворин А.]. Судьбы русских литераторов. [Рец. на кн.:] *Портретная галлерей русских деятелей*. Издание А. Мюнстера. Том второй. Сто биографий. СПб., 1869 // Вестник Европы. 1870. Кн. 1. С. 491, 493, 495.

⁷⁰ Новое время. 1886. 3, 15, 22 янв. Цит. по: Суворин А. Россия превыше всего / Сост., предисловие и комм. Ю. В. Климакова; отв. ред. О. А. Платонов. М., 2012. С. 429, 433.

⁷¹ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 5.

⁷² Время выхода книги Вяземского о Д. И. Фонвизине.

наш. — Н. В., Д. Ж.), отчасти М. Дмитриева, этого родоначальника всех нелепостей о нашей превосходной комедии <...> Мы говорили уже о ложной характеристике Чацкого, сделанной князем Вяземским, и не возвращаемся к ней более <...> О „небрежности стихов, доведенной до непростительного своеволия“, мог говорить только человек, придающий значение какой-то „правильности“, не страшившийся, очевидно, ни от условных общепринятых форм и лиц французской комедии, ни от условного языка ее. Доказательство этого мы найдем в самых сочинениях князя Вяземского, который постоянно охраняет немножко староватый слог и староватые литературные приемы и, очевидно, щеголял этим архаизмом, как щеголяют некоторые баре старым покроем платья. Впрочем, мнения князя Вяземского так спутаны и так противоречивы, что можно только удивляться тому, что, напр<имер>, г. Галахов принимает некоторые из них за нечто неоспоримое». ⁷³ Как видим, Суворин — случайно или нет? — припомнил Вяземскому эпиграмматические выпады, вероятно ставшие ему известными.

6

Очень соблазнительно было бы, как в прежние времена, вспомнить об отрицательном отношении к публицистике Суворина со стороны В. И. Ленина, ⁷⁴ что отразилось, в частности, в ленинской «Искре»: «...изыскать средство проучить беззастенчивого публициста, да так проучить, чтобы впредь не повадно было этой правительственной рептилии». ⁷⁵ Однако князь Вяземский вряд ли бы, объективно говоря, стал союзником социал-демократов. Его эпиграммы на Суворина парадоксально выделяют младшего современника среди других мыслителей второй половины XIX века, делая ему честь не только весьма избирательным вниманием, но и лестным сравнением с двумя яркими литературными фигурами предшественников.

⁷³ Суворин А. Россия превыше всего. С. 464–467.

⁷⁴ См. его статью «Карьера» (1912). См., например: В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1969. С. 258–259.

⁷⁵ Цит. по: Искра. № 1–52. Декабрь 1900 — ноябрь 1903: [В 7 вып.] / Полный текст под ред. и с предисловием П. Лепешинского. Л., 1925. Вып. 1. № 1–7. С. 44.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-104-133

© К. А. Кумпан

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ — УЧЕНИК ТРЕТЬЕЙ ГИМНАЗИИ (ЗАМЕТКИ КОММЕНТАТОРА) ЧАСТЬ 2*

Учителя

В плане второй песни поэмы «Старинные октавы» имеется пункт: «Учителя. Лимониус. Кесслер. Бюрик. Семенников». ¹ Трем первым преподавателям («классикам») в поэме посвящены специальные строфы, а последний педагог в поэме не упомянут, и, по всей видимости, не случайно.

* Первую часть статьи см.: Русская литература. 2021. № 1. С. 124–144. Выражаю искреннюю благодарность Е. Л. Ермолаевой за ряд ценных указаний.

¹ ИРЛИ. № 24270. Л. 61. Опул. в прим. к поэме, см.: Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, сост., прим. и подг. текста К. А. Кумпан. СПб., 2000. С. 876. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы.